

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

От Сократа к Платону

Цель – анализ собственной философии Сократа, рассмотрение пути от Сократа к Платону, а также теории идей Платона.

План

1. Философия Сократа.
2. От Сократа к Платону.
3. Теория идей Платона.

Ключевые слова: «Апология» Платона, метод Сократа, диалоги Платона, теория идей Платона.

Данная лекция посвящена собственной философии Сократа, рассмотрению пути от Сократа к Платону, а также теории идей Платона, представленных Энтони Кенни в первой главе его книги.

В параграфе «Собственная философия Сократа» Кенни указывает на то, что было необходимо установить правдоподобную хронологию платонических текстов, чтобы указать, насколько безопасно полагаться на Платона как на источник информации о Сократе. Сделав это, мы можем дать отчет о собственной философии Сократа, как она представлена в ранних диалогах его ученика, – считает автор книги «Античная философия».

Начиная с наиболее ранних произведений Платона, целесообразно обратить внимание, прежде всего, на «Апологию Сократа» и диалог «Критон». Оба этих произведения рисуют личность Сократа, которая оказала глубочайшее влияние на все философское творчество Платона, поэтому и для исследователей Платона, и для широкого круга его читателей интересно будет узнать, что представлял собой Сократ и почему весь платонизм – это только дальнейшее развитие философии Сократа.

Сократ вместе с софистами открыл новую эпоху истории античной философии, обратившись от космологии и натурфилософии к проблеме человека, и в частности к проблеме разума. В свое время это, несомненно, было чем-то вроде философской революции. А всякая революция требует героев и по необходимости должна идти на великие жертвы. Таким героем и такой жертвой как раз и оказался Сократ. Его постоянное стремление анализировать традиционные человеческие понятия, добиваться их ясности, стараться сохранить все лучшее и сокрушить все худшее в них, естественно, вызывало у многих его современников недоумение или боязнь, а у многих даже ужас и испуг перед такого рода небывалым в Греции критицизмом. Сократа стали обвинять в безбожии, в развращении молодежи, в подрыве существующего государственного строя и даже во введении каких-то новых божеств.

Та сила духа, с которой Сократ проводил свои идеи и выявлял ложь, прикрываемую благоприличным поведением людей и их якобы благонамеренными суждениями, всегда вызывала у Платона неизменный восторг, так что Сократ навсегда остался для него живым символом самой философии. Образ этого великого мыслителя и рисует нам Платон в «Апологии» и «Критоне». «Апология Сократа» – единственное произведение Платона, написанное не в диалогической форме.

Кенни пишет, что в «Апологии» Платон, как и Ксенофонт, стремится защищать Сократа от обвинения в атеизме. Он указывает на несоответствие между двумя обвинениями, что он атеист и что он вводит странных божеств. Он также отдаляет Сократа от светского физицизма Анаксагора. Отрицание в «Апологии» того, что Сократ когда-либо обсуждал физику, в целом неверно, хотя это повторяется позже Аристотелем. Платон сам в своем «Федоне» пишет, что Сократ в свое время разделял любопытство Анаксагора о том, была ли земля плоской или круглой и была ли она посередине Вселенной, и что было причиной для движения и скорости солнца и луны, и других небесных тел.

Но и Платон, и Ксенофонт пишут о том, что разочарование Сократа в Анаксагоре и его космологии заключается, скорее всего, в следующем, – говорит Кенни. Когда дельфийскую

пифию спросили, есть ли в Афинах кто-нибудь мудрее Сократа, был получен отрицательный ответ. Сократ заявил, что озадачен этим ответом, и стал задавать вопросы людям различных классов, которые утверждали, что обладают мудростью различных видов. Вскоре выяснилось, что политики и поэты не обладали подлинными знаниями вообще, и что умельцы, которые были подлинными экспертами в той или иной области, могли бы претендовать на универсальную мудрость, но они не стремились ее достичь. Сократ пришел к выводу, что пифия была права, но вместе с тем он также понял, что его собственная мудрость ничего не стоит. Иначе говоря, пифия назвала Сократа мудрейшим из людей, потому что он обладает знанием своего незнания, то есть «знает, что ничего не знает» – в то время как остальные, не подозревая о своем незнании, считают себя мудрыми.

Именно в вопросах морали было наиболее важно преследовать подлинное знание и разоблачение ложных претензий. По Сократу, добродетель и нравственное знание есть одно и то же: тот, кто действительно знает, как можно поступить наилучшим образом, не поступит иначе, а неправильные поступки являются результатом невежества. Данное утверждение делает еще более абсурдным обвинение Сократа в развращении молодежи. Вполне очевидно, что кто-то предпочитает жить среди хороших, а не среди плохих людей, которые могут навредить ему. Поэтому у него не может быть никаких мотивов для намеренного развращения молодежи; а если он делает это невольно, то его нужно обучить, а не подвергать судебному преследованию.

Сократ в «Апологии» не утверждает, что обладает мудростью, которая может быть достаточна, чтобы удержать человека от правонарушения. Вместо этого он говорит, что полагается на внутренний божественный голос, который вмешался бы, если он принял неправильное решение. Что на самом деле было бы предательством Бога, так это то, если он покинет свой пост из-за страха смерти. Если бы ему сказали, что он может выйти на свободу при условии, что откажется от философского исследования, он ответил бы: «афиняне, я почитаю и люблю вас; но я буду повиноваться Богу вместо вас, и пока у меня есть жизнь и сила, я никогда не перестану практиковать и преподавать философию».

Ранние диалоги Платона изображают Сократа, осуществляющего свою философскую миссию. Особенность метода Сократа, подчеркнутая Аристотелем, а именно, использование индуктивных аргументов, на самом деле предполагает, что мы можем быть уверены в истинах об отдельных случаях, пока еще не хватает универсальных определений. Сократ Платона не требует иметь неопровержимых определений ремесла; но снова и снова он рассматривает определенные ремесла для того, чтобы извлечь общие истины о природе ремесла.

Однако главный вопрос остается открытым: можно ли научить добродетели? Ибо если добродетель есть знание, тогда, конечно, добродетели можно научить; и все же сложно указать на наиболее успешного учителя добродетели.

В Афинах, однако, не было недостатка в людях, утверждающих, что добродетель – это ремесло, и следовательно, ему можно обучить. Это, конечно же, софисты. По их утверждению, ремесленник, который делает ошибку неосознанно, уступает ремесленнику, который сознательно совершает ошибку; поэтому, если добродетель – ремесло, тот, кто грешит сознательно, более добродетелен, чем тот, кто грешит в невежестве. Горгий утверждает, что риторика, главная стрела в колчане софиста, неспособна произвести подлинную добродетель. Протагор, кажется, предполагал, – серьезно или иронично, – что добродетели действительно можно научить, потому что это – искусство, высчитывать пропорцию удовольствия и боли среди последствий своих действий.

В параграфе «От Сократа к Платону» Кенни говорит о том, что, не будучи убежденными в тезисе об обучаемости добродетели, как последнем слове Сократа, читатели находят довольно разные ответы, данные в диалогах «Менон» и «Федон». Добродетель, или знание добра и зла, что по Сократу идентично добродетели, не могут быть научены в настоящей жизни: они могут быть восстановлены только воспоминанием о лучшем мире. Это представлено не как конкретный тезис о добродетели, но как общий тезис о знаниях.

«Менон» и «Федон» вводят две доктрины – теорию идей и тезис о воспоминании, которые, по общему согласию ученых, принадлежат Платону, а не историческому Сократу. С формальной стороны анамнесис, обозначающий припоминание человеческой душой вечных идей, может быть определен как возобновление некогда имевшегося, но потом забытого знания. Когда

увидев или услышав нечто, человек примысливает к воспринимаемому то, что он видел или слышал в прошлом, то такое состояние и называется припоминанием. Согласно Платону, анамнесис может вызываться как сходством, так и несходством между воспринятым и припоминаемым предметами: например, можно вспомнить о человеке, увидев его портрет, а можно – увидев принадлежащий ему плащ или лиру. Наше знание окружающего мира, по мнению Платона, имеет такой же механизм. Несмотря на то, что чувственный опыт не дает нам примеров идеального равенства или тождества, мы, тем не менее, определяем некоторые чувственно воспринимаемые вещи как равные или тождественные. Это означает, что знание о самих по себе равенстве или тождестве не выводится из восприятия равных или тождественных вещей, но возникает в нас по ассоциации с ними наподобие извлекаемого из памяти воспоминания. То же самое можно сказать и о других идеях – самом по себе прекрасном, благом, справедливом и т.д. Опираясь на орфико-пифагорейское учение о бессмертии души, Платон приходит к выводу, что знанием идей душа должна обладать еще до своего рождения в теле, так что любое ее познание в здешнем мире есть всего лишь восстановление этого прежде имевшегося, но потом утраченного знания, т. е. анамнесис.

«Федон» также содержит рассказ Платона о последних днях Сократа в тюрьме. Сократ отклоняет предложение о побеге, говоря, что он многим обязан законам Афин, по которым он родился, вырос и жил в довольстве, что теперь не может отвернуться от них и сбежать. Сократ готовится к смерти, вовлекая своих друзей в долгое обсуждение бессмертия души. Друг Сократа Критон спрашивает у него, будут ли какие-либо инструкции по его захоронению; Сократ велит ему помнить, что будут хоронить только его тело, а не душу.

Возможно, не случайно, что именно в одном и том же диалоге Платон пишет последних часах жизни Сократа и четко вводит впервые свою собственную теорию идей, – говорит Кенни. Кроме того, с физической смертью Сократа мы наблюдаем конец и его личной философии, которая отныне перевоплощается в метафизическую и мифическую форму платонизма.

А. Ф. Лосев в своих «Комментариях к диалогам Платона» пишет, что «имя Платона является не просто известным, значительным или великим. Тонкими и крепкими нитями философия Платона пронизывает не только мировую философию, но и мировую культуру. В европейской истории после Платона еще не было ни одного столетия, когда не спорили бы о Платоне, то непомерно его восхваляя, то всячески его принижая в каком-либо отношении – историко-религиозном, историко-литературном, историческом или социологическом. Мировые религии, возникшие после Платона, старались перетянуть его на свою сторону, обосновывая при его помощи свое вероучение и нередко достигая в этом успеха. Но этот обоснователь вероучений часто оказывался также и их коварным врагом. Ведь платонизм в своей основе все же языческое учение. Наступали моменты в истории, когда платонизм вдруг восставал грозной силой против монотеистического вероучения и под его ударами начинали шататься и падать те самые богословские системы, самым верным союзником которых ранее казался Платон».

«Встреча Платона с Сократом произвела переворот в его внутреннем мире, – считает А. Ф. Лосев. – Платон ясно увидел, что современное ему общество идет к гибели, что совершенно не за что ухватиться ни в общественной, ни в политической жизни, что нужно избрать какой-то свой путь. Сократ просто занимался диалектическим определением общих понятий и старался при помощи общего объяснить всю пестроту частного и единичного. Он не дожил еще до того времени, когда общие и родовые понятия, полученные в результате логически точных методов, были объявлены самостоятельной действительностью, отдельной от материи. Задача Сократа в период борьбы с нигилизмом софистов сводилась к тому, чтобы бороться пока только за логический примат общего над единичным; при этом у Сократа не было еще специального учения о бытии. Другое дело Платон.

Платон, как мы уже говорили, глубоко впитал в себя достижения современной ему античной цивилизации; кроме того, он переживал крах этой цивилизации (в IV в. до н. э.), до которого Сократ не дожил и катастрофические размеры которого Сократ еще не вполне себе представлял. Поэтому Платону, тоже разочарованному во всех без исключения тогдашних формах общественной и государственной жизни, но также не представлявшему себе еще всего своеобразия наступающего эллинизма, приходилось использовать ту область человеческого сознания, которая всегда приходит на выручку в моменты великих социальных катастроф. Эта

область – мечта, фантазия, новый – и уже рационализированный – миф, утопия. В самом деле, куда было деваться такому человеку, как Платон, с его социально-политическим критицизмом, с обостренным чувством негодности современных порядков, при полном неведении будущих судеб своего народа и одновременно жажде немедленного переустройства всей жизни? Оставались только мечта и утопия. Оставался идеализм».

Когда Сократ умер, Платону было около тридцати лет, он пробыл учеником Сократа около восьми лет. Член аристократической афинской семьи, Платон в возрасте 40 лет отправился на Сицилию и стал соратником Диона, шурина правящего монарха, Дионисия I; во время этого визита он познакомился с пифагорейским философом Архитом. По возвращении в Афины основал философское сообщество, Академию, в роще рядом с собственным домом. Здесь мыслители, под его руководством, делились друг с другом своими интересами в математике, астрономии, метафизике, этике и мистике. Платон умер мирно на свадебном пиру в Афинах в 347 году, будучи в возрасте около 80 лет.

Платон писал в диалоговой форме, но сам никогда не появлялся в них в качестве спикера. Диалоговая форма позволяла Платону приостановить суждение о сложных философских вопросах, пока не были представлены самые сильные аргументы, которые он мог придумать по обе стороны вопроса.

Наиболее известным из учений, которые можно найти в диалогах Платона, является теория идей.

Платон в своих диалогах, начиная с Евтифрона, часто упоминает о теории идей, она принимается как должное, или аргументируется, но при этом в диалогах нет прямого и официального заявления об этой теории. Самое ясное и краткое описание теории идей встречается не в диалогах, а в седьмом из писем, которые традиционно приписываются Платону.

В письме о фундаментальной доктрине, которую Платон часто излагает, говорится следующее: «Для каждой вещи есть три необходимых условия, если мы хотим прийти к знанию об этой вещи. Во-первых, это имя, во-вторых, определение, и, в-третьих, образ этой вещи. Само знание – это четвертая вещь, и есть еще пятое условие, которое мы должны постулировать, эта вещь должна быть тем, что познаваемо и действительно реально».

Кенни пишет, что если следовать за Платоном, тогда нужно начать с различения слова «круг», определения круга, схемы круга, и наших представлений о круге. Важность ясности в отношении этих четырех деталей заключается в различении их от пятого, самого главного, что он называет «сам круг». Это одна из идей, к которым относится знаменитая Теория Платона.

Кенни обращает внимание на то, что отсутствует в седьмом письме. Платон не упоминает, даже на самом низком уровне, фактический материал – круглые предметы, такие как колеса и бочки. Причина его упущения ясна из других отрывков в его трудах. Мы никогда не встречаем в опыте совершенных кругов, они могут иметь изгибы или быть поврежденными, что будет мешать равноудаленности от центра каждой точки по окружности. Это касается также любого круга, что мы можем нарисовать на бумаге или на песке. Иначе говоря, моя субъективная концепция круга – это мое понимание того, что такое «круг», но это не то же самое, что идея круга, потому что идея объективной реальности – это не свойство любого индивидуального ума. Но, по крайней мере, концепция в моем сознании – это концепция совершенного круга; это не просто несовершенное приближение к окружности, как кольцо на моем пальце.

В отрывке, который процитировал Кенни, Платон приходит к идее круга после начала рассмотрения слова «круг», и определяет круг как фигуру, окружность которой везде равноудалена от его центра.

Таким же образом Платон рассматривает другие идеи, например, идею человека, идею добра, идею бытия.

Можно сформулировать ряд Платонических тезисов об идеях и их взаимоотношениях:

1. Принцип общности. Везде, где несколько вещей F, они имитируют одну идею F;
2. Принцип разделения. Идея F отличается от всех вещей этого F;
3. Принцип самовыражения. Идея F сама по себе F;
4. Принцип чистоты. Идея F не что иное, как F;
5. Принцип уникальности. Ничего, кроме идеи F, не есть настоящее F;

6. Принцип возвышенности. Идеи вечны, у них нет частей, и они не претерпевают никаких изменений, и они не ощутимы для чувств.

Проанализировав на конкретных примерах взаимоотношения идей, Кенни делает вывод о том, что различные функции, классы, парадигмы и конкретные универсалии – все поднимают свои собственные проблемы, как обнаружили философы много позже Платона. И хотя мы не можем вернуться к классической теории идей, нам еще предстоит дать исчерпывающий ответ на проблемы, которые были ею подняты.

Вопросы для закрепления темы

1. Что объединяет философа Платона и историка Ксенофонта в описании жизни и творчества Сократа?
2. Прочитайте и проинтерпретируйте «Апологию» Платона.
3. Почему дельфийская пифия дает отрицательный ответ на вопрос, есть ли в Афинах кто-либо мудрее Сократа?
4. Как по Сократу соотносятся добродетель и знание?
5. В чем суть теории идей Платона?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Ксенофонт. Сократические сочинения: [перевод с древнегреческого] / Ксенофонт; [вступ. ст. и примеч. С. Соболевского]. – М.: Мир книги : Литература, 2007. – 367 с.
4. Платон. Диалоги. – М.: Академический проект. – 2017.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
6. Меяц С. В. Трактат Аристотеля «О памяти и припоминании». – М., Космос и душа, 2005.
7. Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона. – М., Мысль, 2005.